Моя Марусечка

Автор:
Вера Колочкова

Моя Марусечка

Вера Александровна Колочкова

Секреты женского счастья

Маруся и Никита знакомы всего два месяца – и вот они уже муж и жена! Они так похожи, деревенская простушка и юный врач. Каждого из них мать заставила забыть свою прежнюю любовь. И они послушно живут вместе. У Никиты и его бывшей жены скоро родится ребенок, только он не подозревает об этом. Как быть Марусе: продолжать хранить эту тайну или попробовать исправить чужие ошибки?

Вера Колочкова

Моя Марусечка

© Колочкова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

– Ой, ну посмотрите же на нее, девочки! Скажите – правда же, прелесть?

Ксения Львовна театрально всплеснула ручками и устремила призывный взор на двух молоденьких продавщиц, застывших у нее за спиной.

– Д-да… Очень, очень хорошо… – неуверенно улыбнулась одна из девушек, глянув с сочувствием на Марусю.

А может, Марусе просто показалось, что с сочувствием. Может, она просто так улыбнулась, из профессиональной вежливости. Ей-то какая разница. Не ей же под венец идти в этом дурацком вычурном белокипенном платье…

Нет, само по себе платье, конечно, выглядело великолепно. Когда красовалось на стройном и правильно вытянутом по всем женским линиям манекене. Интересно, с кого только эти манекены лепят? Таких и фигур-то, скорее всего, в природе не существует. Раз, два и обчелся. Можно подумать, только им, этим фигурам, и положено выходить замуж красиво. А остальным, которым природа такой радости не подарила, как быть? Терпеть над собой это вынужденное издевательство? И рассердиться никак нельзя – Ксения Львовна обидится…

Будущая свекровь приблизилась к Марусе своим легким кошачьим шагом, расправила большой белый цветок на лифе, потом снова отошла в сторону и, склонив голову по-птичьи набок, задумчиво проговорила:

– Да-да, вот это как раз хорошо. Вот это как раз то, что надо. Пройдись-ка немного, Маруся. И покрутись, покрутись. Вот так… Ах, прелесть какая!

«Фу ты, леший тебя разбери, – чертыхнулась в который уже раз Маруся, неловко дефилируя перед ее взором. – Какая, к чертям собачьим, тут может быть прелесть? Где ты эту прелесть разглядела, интересно? Обрядили человека в пыточный корсет, затянули веревочки на спине – дышать невозможно…»

Остановившись перед большим зеркалом, она робко подняла на себя глаза и невольно прижала ладошки к лицу, пытаясь остудить пылающие щеки. Еще немного – и в обморок бухнется. Вот уже два часа как эта пытка длится и длится. Саму бы ее, Ксению Львовну, укатать в эти корсеты да заставить тягать через голову все это шуршащее и скользящее свадебное хозяйство… Хотя вот ей-то эти наряды больше бы подошли! Ну, не в смысле, чтоб под венец, конечно, а в смысле природной ее дамской элегантности. Наверняка она не скукожится в этих кринолинах да интимно шуршащих подъюбниках, и шею при этом в голые

плечи с перепугу не втянет… Для Ксении Львовны все эти платья более подходящи – слишком уж они по-барски шикарные. А она, Маруся, смотрится в них, как пастушка, которую привезли с чистого поля забавы ради во дворец да заставили нарядиться во все господское. И впрямь, смешно же! Руки у нее пухлые, розово-белые, грудь вон снизу корсетом угнетенная, выперла кверху смешными бугорками, и плечи все время спрятать хочется, прикрыть их руками. И шею втянуть. А лицо, так вообще… Лицо у нее – это песня особая. Непонятно какая. С таким лицом только частушки в деревенском хоре голосить. Круглое, в желтых ярких конопушках, с ямочками на щеках и подбородке. Как мама говорит – красоты нет, а милоты впрок на всю жизнь хватит. А только ей, Марусе, от этой милоты особой радости нет, только наказанье одно. Потому что никаких серьезных эмоций, кроме дурацкой умильной улыбочки, эта ее милота у людей и не вызывает. Ах, мол, веснушки, ах, щечки-ямочки…

Вот и Ксения Львовна, как в первый раз ее увидела, тоже руками всплеснула и начала умиляться, заодно всячески одобряя Никитин выбор. И свадьбу эту сама заторопила. Чего было ее торопить-то? Два месяца всего знакомы, сразу и замуж…

Вот правильно про Марусю говорит подружка Ленка, что она конформистка хренова! Вот так прямо и говорит – хренова. Ленка, она такая. Как скажет, так хоть стой, хоть падай. Зачем, говорит, замуж торопишься? Мало ли, что его маме понравилась. Что из того? Опять, что ль, всяким чуждым хотениям управлять собой позволяешь? А твои, мол, собственные принципы да желания где? И так гневливо наехала, будто сотворила бедная Маруся что-то из ряда вон выходящее. А только никакого такого конформизма она в себе и не прочувствовала, если честно. Она ж не виновата, что у них с Никитой все получилось так лихо-скоропостижно. Хотя вот мама Марусина свою версию Ленкиному наезду выдвинула – завидует, мол, подруга по-черному. Сама увязла в бедном своем неказистом замужестве и подруге такой же судьбы желает. Так завидует, что не стоит Марусе ее и на свадьбу звать. Сглазит еще…

– Ну что, Марусь, берем? Хорошее платье, поверь мне. И зря ты так смущаешься, оно как раз все твои прелести очень выгодно подчеркивает! Сейчас еще фату прикинем, и все в порядке будет… Девочки, несите фату! – весело хлопнула в ладоши Ксения Львовна в сторону продавщиц, и те порскнули разом куда-то в сторону и вскоре торжественно внесли на вытянутых руках дымчато-белую длинную вуаль. «Сейчас взгромоздят мне это на голову, и я буду похожа на новогодний мешок с подарками…» – грустно подумала Маруся, обреченно

подставляя голову под белое скользкое кипение.

– Нет! Нет! Девочки, не надо! Снимайте! Это здесь, пожалуй, лишнее… – громко скомандовала будущая свекровь. – Я думаю, Марусь, платье без этого атрибута лучше будет смотреться. Ты как считаешь?

– Да. Пожалуй, я тоже так думаю, – памятуя про Ленкино обвинение в конформизме и потому слегка выдержав паузу, будто борясь с некими внутренними сомнениями, медленно проговорила Маруся. – Фата тут уже ни к чему…

– Ага. Ни к чему. Лучше прическу красивую сделать. С цветами. Я тут в одном журнале видела, потом тебе покажу. Давай-ка лучше пройдись еще! И спину выпрями, попривыкай как-то, вживись в образ. Ну, чего ты кислая такая? Устала?

– Нет, не устала. Волнуюсь, наверное…

– А ты не волнуйся! Помни, что ты – прелесть! Никита, когда тебя в этом платье увидит, просто с ума сойдет!

– Так вы будете это брать или еще примерим? – осторожно подступилась к ним вежливая продавщица.

– Да. Будем брать. Это, – не удостоив ее взглядом, произнесла Ксения Львовна. И уже совсем другом тоном – родственным и по-свойски задушевным – обратилась к Марусе: – Иди, милая, переодевайся.

«Вот же интересно – как это ей удается так своей интонацией управлять? – в который уже раз подивилась на будущую свекровь Маруся, резво направляясь в примерочную. – Так и хочется от ее ласкового голоска подпрыгнуть радостно, взвизгнуть и завертеться, как пуделек на задних лапках…»

– Да уж, хлебнешь ты с такой свекровушкой… – хохотнула тихонько ей на ухо одна из девчонок, помогающих разобраться со сложными шнуровками-ленточками.

– Почему? – вскинула на нее удивленные голубые глаза Маруся. – Почему это я хлебну?

– Да потому что подомнет она тебя под себя как пить дать… Видно же! – тихо прошипела девчонка, стрельнув глазом в щелку плохо задернутых занавесей. – Про таких говорят – мягко стелет, да жестко спать. Жить-то вместе, наверное, будете?

– Ну да, вместе…

– Да тихо ты, Маринка! – строго одернула товарку другая девчонка. – Кто тебя спрашивает-то? Вечно ты со своим языком. Хочешь место потерять, что ли?

– А что я? Я ничего. Я завидую просто… – подмигнув Марусе и улыбнувшись, тихо проговорила Маринка. – Свекровь – это не беда. Это, можно сказать, досадное недоразумение. Вот когда ни мужа, ни свекрови на горизонте не видно – это и есть настоящая беда. А сынок-то у нее как? Ничего хоть?

– Марина! Прекрати! Я кому сказала!

– Да ладно, девчонки. Лучше пожелайте мне счастья от души! – вздохнула наконец свободно Маруся, освободившись от тяжкого корсетного бремени. – Замуж, оно, конечно, не напасть…

– …Лишь бы замужем не пропасть! – легко подхватила общительная Марина. – И в самом деле – счастья тебе! А со свекровкой все-таки ухо востро держи – ишь какая гордая мадам Дритатуева…

– Маруся! Ты где там? – колыхнулась занавеска, чуть оттянутая легкими пальчиками Ксении Львовны. – Поторопись, у нас с тобой еще масса дел запланирована на сегодня.

– Иду-иду! Все, я переоделась уже!

– Проводите меня в кассу, будьте любезны. Платье оформите с доставкой на дом, – тихо проговорила в пространство зала Ксения Львовна, снова не удостоив взглядом оробевших девчонок. И впрямь – очень ловко это у нее получалось!

Вроде и не хамит, и слова произносит голосом тишайшим да ровным, а такое чувство, будто они перед ней рабыни бессловесные… Зачем она так? Девчонки как девчонки! Нехорошо как-то. Марусе прямо и обидно стало за них. Так старались, расшаркивались…

– Хорошие какие девчонки! – сердито и немного с упреком озвучила свою мысль Маруся, когда они с Ксенией Львовной вышли из свадебного салона. Правда, сердитости и упрека она себе лишь самую капельку позволила. Испугалась. Посмотрела на потенциальную свекровь искоса – не обидела ли?

– Да. Хорошие. Наверное, – снисходительно проговорила Ксения Львовна. – Ты знаешь, я как-то никогда не обращаю внимания ни на продавцов, ни на официантов, ни на консьержек. Для меня они все на одно лицо… Слушай, Марусенька, мы же хотели еще открытки с приглашениями прикупить! Нам же для всех гостей не хватило! Пойдем, купим. Как хорошо, что я вспомнила!

Она тут же увлекла Марусю к киоску с открытками и с воодушевлением принялась советоваться насчет цвета, размера и всяких других причиндалов этих самых открыток, и рассматривать их с придирчивой щепетильностью, что было Марусе совсем уж непонятно – какая разница, какие будут эти открытки! Можно и вообще телефонным звонком на свадьбу пригласить.

Потом, дома уже, отобедав и напившись чаю, они еще раз обсудили список гостей. Со стороны Маруси народу получалось мало. Кого ей особо приглашать-то, кроме мамы?

Родственников – раз, два и обчелся, одни только подружки в том списке числились. Ну, Анночка Васильевна еще, конечно же… Не образовалось у нее в жизни ни теть, ни дядь, ни племянников. Мама у родителей одна дочь была, а отец… Про отца вообще помолчать лучше. Хотя Ксения Львовна отмолчаться ей не позволила, пристала с ножом к горлу:

– Марусь, так я не поняла. У тебя что, папы вообще никогда не было, что ли? Он умер, да?

– Нет. Не умер.

– Тогда как же? Они с мамой развелись? Не живут вместе?

– Нет. Не живут.

– А ты что, не хочешь поддерживать с ним отношения? Ты извини меня, конечно, что я так назойливо спрашиваю, но, может, все-таки стоит позвать его на свадьбу? Он же отец.

– Н-нет, не стоит…

– А мама твоя как считает? Можно, я с ней на эту тему поговорю?

– Нет! Нет, не надо с ней говорить! – От вопросов Ксении Львовны Маруся уже не знала куда деться. – Тут, понимаете… В общем, не надо, и всё…

– Да ты расскажи, Марусь, – проникновенно глядя ей в глаза, проговорила Ксения Львовна. – Чего ты так смущаешься? Мы же не чужие теперь. Мы всё друг о друге знать должны. У него другая семья, да?

Вот же пристала, липучка любопытная. Ну что, что Маруся рассказать должна? Что она этого самого отца отродясь не видывала? Что тема эта вообще у них в доме была запретной, с тех самых пор, как она себя помнить начала? Неприятной была тема, лежала «проклятьем на всем роду», как выражалась бабушка, когда еще жива была. И ей, стало быть, Марусе, тоже от того проклятья большой черный кусок достался. Прилетел камнем еще в раннем детстве, когда соседские мальчишки с их улицы вдруг заголосили, показывая на нее пальцами:

– Эй, Мурка! Пацаны, она же никакая не Машка вовсе, а Мурка! Настоящая воровская дочка! Эй, Мурка, Маруська Климова, прости любимого!

Она тогда и не поняла толком, почему вдруг обрушилось на нее это ребячье смешливое презрение. А только окатило вдруг с головой, толкнуло в спину, заставило бежать домой, не чуя под собой ног. А дома – дрожащим голосом первый вопрос матери: за что они меня, мол…

– Вот! Вот оно! – поднял на мать сухой указующий перст дедушка, и бабушка враз поникла, затрясла плечами, зашлась в тихом плаче. – Не распознала вовремя, от кого дитя понесла, покрыла нас всех позором. А теперь и дитю всю

жизнь из-за тебя маяться придется! Было, было тебе говорено, Надежда…

– Ой, да откуда ж я знала-то! Ну что вы мне душу рвете и рвете! Что у него, на лбу, что ль, написано было, кто он такой. Он же любил меня! По-настоящему любил. Да вы и сами его не гнали! Вспомните-ка!

– Ну да, не гнали… Есть тут, конечно, и наш грех. А зачем девке фамилию его дала? Зачем назвала так? Будто клеймо ей на всю жизнь поставила!

– Ой, да откуда ж я знала! Дура была, вот и назвала…

Заплакав и махнув на стариков рукой, мать ушла в свою светелку и не выходила ни к обеду, ни к ужину, лежала на своей кровати, отвернувшись к стене. А Марусе так ничего толком никто и не объяснил. Дедушка молчал сурово, пыхтел «Примой», бабушка шаркала разношенными тапками, колготилась по кухне, как обычно, и шла от ее согбенной спины неизбывная виноватость…

Это уж потом, подрастая, Маруся собрала по крупицам всю правду о своем отце.

Из пьяных, застольных, стариковских разговоров, из соседских сплетен, из скупых материнских ответов на ее осторожные вопросы…

Марусина мама, Надежда Ивановна Федорцова, замужем никогда не была. То ли красотой по молодости не вышла, то ли время свое девичье упустила, но так уж сложилось, что вековала она свой век при отце с матерью да при хозяйстве в справном дому. Родители ее хорошими хозяевами были. И огород большой держали, и корову, и свиней выкармливали, соседям на зависть. Работы много – только успевай поворачивайся. Их дом во всем околотке самым зажиточным был. Так что задумываться Наде о своей незадавшейся женской судьбе особо некогда было. Вставай с первыми петухами, по хозяйству управляйся, потом на работу бегом беги – не дай бог опоздать. Потому что работа у Нади была очень ответственная – она работала диспетчером на станции. Один поезд ушел, другой пришел, все по расписанию. И жизнь шла по дням и минутам – тоже по расписанию. А только однажды произошел в этом расписании сбой – привела Надя домой со смены ночевщика, пассажира, от поезда своего случайно отставшего. Ну, привела и привела. Что ж, бывает. Они ж люди, а не звери, чтоб человека на чужой станции без ночлега оставить да в дом не пустить. И ни деду, ни бабке и в голову даже не пришло, что ночевщик тот мог бы и в гостинице

заночевать. Не деревня же у них тут какая, а город большой районный. Кокуй называется. И гостиница в нем есть, и дом приезжих, да и на станции можно найти место, где голову приткнуть…

Поутру ночевщик встал, покурил с Надиным отцом на крылечке, Сергеем представился, хозяйство да дом похвалил. И даже дельный совет дал – надо, говорит, в подвале котел поставить да не возиться каждую осень с дровами. Вроде того, сейчас многие добрые хозяева так делают. Оно даже экономнее выходит. Потом разговор этот за завтраком продолжили. Потом Сергей по хозяйству проворно помог. Так и вечер подошел. А за ужином уже и выпили по маленькой…

– Что-то ты, мил-человек, не больно в свою командировку торопишься, – добродушно хохотнул Надин отец, хлопнув гостя по плечу. – Видать, приглянулось тебе у нас.

– Ага. Приглянулось, – бросил быстрый многозначительный взгляд в сторону покрасневшей Нади ночной гость. – Что мне там, в той командировке? Успею еще.

– Ну, смотри, смотри… – покивал отец, наливая до краев по второй. – Кто не торопится, тот и не опаздывает.

Так и прожил «командировочный» в доме два месяца. Спускался по утрам из Надиной светелки, здоровался приветливо, садился с отцом завтракать. Хоть разговоров на будущую жизнь не заводил и посулов никаких не давал, но старики даже и рады были – пусть у дочки хоть какая-то женская жизнь образуется. Пусть и короткая. Не помирать же ей в девках. Раз на молодую никто не позарился, то пусть хоть в зрелости мужика почует. А там видно будет. Конечно, держали они про запас тайную мысль, что у дочки все сладится, и Надина мама даже в церковь сбегала, чтоб свечку Богородице поставить. И соседи скоро про Надиного сожителя всё прознали. Вроде и за калитку не выходил, а прознали. И потому, когда за сожителем как-то утром черный «воронок» подкатил к федорцовским воротам, собралась вокруг целая толпа любопытных. В дом, понятное дело, никого не пускали, вот и стояли в сторонке, обсуждали интересную ситуацию. А когда милицейский шофер вышел из «воронка», чтоб ноги размять, обступили его осторожненько, спрашивать начали. Охать да ахать. И впрямь, ахнешь тут. Не каждый же день на их улице вора-рецидивиста со стажем задерживают. Шустрый сосед Пашка Ляпишев так

напрямую шофера и спросил:

– А слышь, это… Правду говорят, что им, ворам-то, с бабами совсем нельзя? Ну, которые в законе?

– Да что они тебе, евнухи, что ли? – хохотнул в Пашкину сторону шофер. – Почему нельзя-то? Вот жениться им воровской закон запрещает, это да. Это действительно. Чтоб ни семьи, ни детей не было. А так, отчего ж нет…

– Ну, попала наша Надька под позорище, – притворно покачала головой беременная Пашкина жена Клава. – Теперь уж точно вовек не отмоется. Нет, это ж надо, а? Сроду ни с одним мужиком не спала, а тут бац – и сразу с вором в законе. А возгордилась-то как, возгордилась-то, господи! Вчера смотрю в окошко – летит домой по улице, улыбается вся, как молодуха в медовый месяц.

– Да цыц ты, баба! Не встревай! – ругнулся на жену Пашка. – Какое тут тебе позорище? Ну, ошиблась Надька маненько, что с того?

Клава открыла было рот, чтоб ответить достойно мужу, да не успела. Вывели милиционеры из ворот незадавшегося Надиного кавалера, в наручниках уже. Он шел бледный, немного равнодушный даже, смотрел прямо перед собой, не мигая. Прежде чем забраться в «воронок», вдруг обернулся резко, крикнул в ворота негромко:

– Простите, граждане, подвел я вас. И ты, Надя, прости. Хорошая ты баба. Спасибо тебе за все. Прости!

Никто ему, конечно, не ответил. Не вышла Надя его провожать. Это потом уже, как зафырчал «воронок» мотором, готовясь отъехать, распахнулась в доме дверь, и Надя, выскочив на крыльцо, простоволосая и босая, метнулась по двору к калитке, выскочила на виду у всех на улицу, вцепилась в прутья решетчатого окошечка, запричитала, захлебываясь:

– Ребеночек! Ребеночек ведь у нас с тобой будет. Что мне теперь делать-то? За что ж ты со мной так…

– Фамилию мою не давай! Поняла? Пусть не Климов будет! Свою дай! Запомнила? Если парень – Володькой назови. А девку Машей. Марусей…

Так вор в законе Сергей и скрылся из Надиной жизни с этой «Марусей» на устах. Как ни сопротивлялись потом старики, дочку Надя все-таки по-своему записала, по фамилии отцовской – Марией Сергеевной Климовой. Так и появилась на свет Мурка из старой блатной песенки, сама по себе ни в чем не виноватая. Маруся Климова. Которая, как в той песне поется, «прости любимого»…

Конечно, в тот момент этой блатной песенки Надя в голове не держала. Не знала она про такую песенку. А вот бедной Марусе впоследствии очень даже из-за нее досталось. И в школе дразнили, и на улице… Одно время она даже мечтала имя да фамилию сменить, назваться какой-нибудь Ксюшей или Таней, а потом передумала. Да и дразнить к возрасту перестали. И мать не хотелось обижать – лишние разговоры об этом заводить…

Когда исполнилось Марусе семь лет, пришел крупный денежный перевод на Надино имя. Без письма, без обратного адреса. Старики аж ахнули, когда сумму этого перевода на почтовом бланке увидели. Потом их еще много приходило, переводов этих. Без имени отправителя, без обратного адреса. И суммы тоже бывали разные. Нерегулярно приходили – то пусто, то густо. То пять лет кряду нет ничего, а потом прямо манной небесной деньги на голову валятся. Хотя и шарахались старики от этих денег, и в общее хозяйство их от Нади не принимали. Вроде того – не надо нам ворованного. Да и сама Надя не шибко с этими деньгами к ним приставала – все на Марусину книжку складывала. Если б не съела их в свое время проклятая инфляция дочиста, то богатая бы невеста из нее со временем образовалась…

Каждый приход этой серой бумажки-перевода бывал у них целым событием. Не любила Маруся прихода этой бумажки, ой как не любила! Сразу неуютно становилось в доме. Дедушка замолкал, пыхтел сердито, и бабушка всхлипывала потихоньку на кухне и вздыхала прерывисто, бормоча свое: «Господи, помилуй нас, грешных…» А про маму и говорить нечего. Мама надолго уходила в маленькую сараюшку и там плакала от души, с надрывом и тяжким воем. И четвертинку водки туда с собой, в сараюшку, брала. Маруся однажды видела, как она там плакала. Наливала дрожащей рукой водку в стаканчик, держала его перед лицом, будто рассматривая, потом, коротко всхлипнув, отправляла в себя одним махом, морщилась широким лицом и мотала головой горестно. А потом, коротко вздрогнув и подняв мутные глаза на толстую золотистую связку лука,

начинала подвывать потихоньку. И вой этот все нарастал и становился все горше, все страшнее, все безысходнее. Маленькая Маруся даже решила тогда, что обязательно надо этот лук проклятый с маминых глаз убрать. Чего бабушка его развесила тут, у мамы на глазах? Вон она как убивается горько, и волосы ее красивые, светлые и пышные, как молодая пшеница, зря только молтузятся по плечам да сбиваются в мокрые от слез пряди… Она даже к бабушке подошла с этим дельным советом, но та шикнула поначалу, а потом прижала ее голову к боку, погладила по пышным, как у матери, белым волосам, и сказала очень странную вещь – не мешай, мол, мамке любить…

Маруся тогда долго думала над этими бабушкиными словами. Но ничего дельного для себя придумать так и не смогла. А переспросить постеснялась. А потом как-то уж и попривыкла к этим маминым слезам по поводу серой бумажки, которую изредка приносил в их дом почтальон. Благо, что они совсем редко приходить стали, бумажки эти. А потом бабушка с дедушкой как-то враз и неожиданно умерли – как в сказках пишут, в один день. И остались мама с Марусей в большом дому одни. Марусе в тот год четырнадцать полных лет минуло. Как мама говорила – еще и не крепка девка, но уже помощница.

А что – она и впрямь по хозяйству проворной была. Правда, так много живности, как при деде с бабкой, они не держали, конечно же, но с двумя коровами управлялись. Никто уже в их околотке коров не держал, а они ничего, не гнушались ни молоком, ни мясом на зиму. А как иначе жить-то? Лучше уж покосом летом озаботиться да по утрам из стайки свежие коровьи лызги лопатой грести, чем на новую голодную жизнь жаловаться… Управятся поутру вдвоем, потом разбегутся – Маруся в школу, мать на станцию… А вечером, после дойки, опять работы полно – надо молоко через сепаратор перегнать. Вся улица у них то молоко да масло домашнее покупала. Опять же деньги. Опять же прожить можно. Времени свободного на гулянки особого, конечно, нет, но тоже не большая беда. Да и не страдала Маруся от нехватки свободного времени. На что оно ей? Перед мальчишками задом на школьных дискотеках крутить? Чтоб ее там Муркой дразнили? Нет уж. Ей и уличных дразнилок с детства с лихвой хватило. Идешь, бывало, по улице, а Витька Ляпишев, сосед, как запоет в спину:

…Раз пошли на дело – выпить захотелось,

И зашли в шикарный ресторан…

Там сидела Мурка в кожаной тужурке,

А из-под полы торчал наган…

Она вздрагивала сразу, конечно, и бежала к своим воротам что есть силы, а Витькин слабый визгливый голосок, подогреваемый звонким хором других мальчишек, и там ее доставал:

Мурка! Ты мой Муреночек!

Мурка! Ты мой котеночек!

Мурка, Маруся Климова!

Прости лю-би-мо-го!

В детстве, конечно, эту ребячью колготню бабка с дедом быстренько разгоняли. Бабка, бывало, и к Ляпишевым ругаться ходила, и громко кричала на их подворье, и даже коромыслом перед лицом Витькиной матери грозно трясла. Витька на какое-то время затихал, а потом все сызнова… Хорошо хоть мать Марусю в другую школу потом перевела – которая подальше и в которую их уличные ребята не ходили. А там, в новой уже школе, начиная с восьмого класса, у нее и свой защитник появился. Колька. Отчаянный и первостатейный хулиган Колька Дворкин. Лихой мотоциклист. Вроде как байкер даже, если присобачить его старый отцовский мотоцикл к новомодным веяниям. Маруся и сама его поначалу боялась да сторонилась, а потом он ее как-то подвез до дому, постояли они у калитки, поговорили…

– Ой, а у тебя волосы травой и молоком пахнут, слушай… – потянул он вдруг носом, наклонившись к ее кудряшкам. – И еще это… Навозом немножко. Так сладко пахнут…

Маруся тогда дернулась от него обиженно – что это значит, навозом? Тоже, комплиментщик выискался… Фыркнула, убежала. Впрочем, обида ее быстрая на Кольку вскоре прошла. На следующий же вечер и прошла. После того как он слишком уж круто разобрался с ее уличными обидчиками. Те и не поняли поначалу, с кем дело имеют – просто начали по привычке им в спины орать свое непотребное:

Мурка! Ты мой Муреночек…

Когда со всеми подробностями было допето до места, где Маруся Климова должна была, по логике вещей, простить любимого, началась драка. Самая настоящая. С Марусиным визгом. С Витьки Ляпишева выбитым зубом и с фингалом на пол-лица. С разбитой вдребезги гитарой о те самые бревна, на которых обычно сидели стайкой ее уличные обидчики. С лаем собак из-за заборов. С опрокинутым в пыль Колькиным мотоциклом. Кое-как они успели тогда мотоцикл во двор затащить да скрыться в доме от прибежавшего со всех концов околотка возмездия в виде здоровенных парней: наших, мол, бьют… Так и стояли, караулили Кольку у Марусиных ворот допоздна. Он все рвался в бой, да Маруся с матерью его не пустили – так и до смертоубийства недалеко. Одно дело – малолетки отношения выясняют, а другое дело – взрослые уже парни, выпивкой подогретые… Мать положила Кольку спать в Марусиной комнате, а дочку взяла к себе под бок, в свою кровать, да еще и сторожила испуганной рукой ночью – не убежала бы. Мало ли что. Девка выросла справная, кровь с молоком. И семнадцати еще нет, а все как есть при ней. Одна сплошная красота-милота, на чистом сливочном масле воспитанная. Не зря, видать, паренек этот в драку за нее бросился, ой, не зря…

С тех пор к Марусе с дурацкими песенками больше уличная ребятня не приставала. Наоборот, подходили да здоровались с почтеньицем. И с Колькой, кстати, тоже. Он на их улице часто появляться стал. Как свой. Марусин защитник. Каменная стена. Колька Дворкин. Взрывной отчаянный парнище, первый забияка в драках, никаких авторитетов не признающий. И в то же время очень добрый – Маруся, как никто, это знала. Временный необтесавшийся нигилист – так прозвал его учитель истории Петр Николаевич, их классный руководитель. Из таких, говорил, потом отличные мужики получаются, которые жизни не боятся и мнут ее под себя, как им надо.

Что ж, может, и получился бы потом из Кольки отличный мужик. Кто его знает? Наверняка бы получился. Если б не случилось все так по-дурацки…

После школы Колька сразу загремел в армию. Родители его постарались, спровадили туда парня с почестями. Вроде того, пусть там пообтешет свой характер немного. Оно, конечно, и правильно, может быть… Самое там место, наверное, для становления мужских характеров. А только Марусе прощаться с Колькой было – как саму себя ножом резать. И вовсе никакой он не буйный, уж она-то это точно знала… Он просто жизнь так любит. По-своему. А ее, Марусю, даже больше жизни любит. Он сам так сказал, когда на вокзале прощались. А она ждать его обещалась.

И дождалась, конечно, что ж. Два года ни на кого глаз не подняла. Все жила от письма до письма. Хотя и были у нее воздыхатели, чего уж там. И хорошие были. Особенно в колледже. Поступила она после школы в строительный колледж – единственное учебное заведение у них в Кокуе. Можно было бы, конечно, и в областной институт учиться податься, как другие Марусины одноклассники сделали. Как вот Ленка Ларионова, ее закадычная подружка, например, – та вообще в психологи подалась. А Маруся с места не сдвинулась. Да и чем строитель – не профессия? Тем более там как раз отделение такое хорошее открыли – экономическое. Вполне нормальная для женщины специальность. Марусе всегда нравилось возиться с цифрами, все учитывать да обсчитывать и планировать наперед. И даже в своем собственном хозяйстве мать ей в этом деле полностью доверялась. Была у Маруси в обиходе такая специальная тетрадочка, куда она записывала все их с матерью затраты-приходы. Очень ей эта тетрадочка во время учебы вспоминалась! Даже самой смешно было… Оказывается, она свой домашний мясо-молочный хозяйственный учет совершенно правильно вела, можно сказать, на одной только интуиции, еще и не зная про существование таких умных слов, как себестоимость продукции, план-фактный анализ, нормирование труда да ежедневное сведение расходов с доходами и выявление при этом ненужных перерасходов…

Мир цифр – это же так увлекательно! Все можно рассчитать, занести в таблицу, и все видно как на ладошке. И даже в жизни своей все можно рассчитать и разложить по полочкам. Жизнь – она же штука такая, в ней все должно быть прозрачно и понятно. Вот, например, есть у нее Колька… Он любит ее, она любит его. Все как дважды два. Вот приедет из армии – поженятся. Потом ребеночка родят. Потом еще одного. Потом дом хорошо отремонтируют, когда деньги будут. Сверху еще одну светелку пристроят, кругленькую такую, как башенка. Колька – он сильный, он все может! Так что зря Ленка говорит, что жизнь цифрам не поддается. Еще как поддается. Лишь бы цифры эти были правильные и прозрачные. А где в жизни прозрачность – там и душе покой…

В общем, ждала она Кольку все армейские годы правильно и верно. И училась хорошо. На красный диплом даже шла. И к родителям его в гости частенько захаживала.

Они так рады были этим ее приходам! Мать Колькина все подарочек какой норовила ей в руки сунуть – духи хорошие иль другую какую безделицу – все равно приятно. И настал момент – дождалась она Кольку. Увидела как-то утром входящего в калитку молодца в синем залихватском берете – коленки так и

подогнулись, и ведро с молоком чуть не опрокинула. Он подхватил, закружил ее по двору! Мать смотрит в окно, плачет… Вот счастье-то было! Настоящее, стопроцентное, осязаемо идущее из твердых мужицких Колькиных рук, из сияющих восторженной прозрачностью глаз, из короткого крепкого поцелуя в губы – так и припала к нему, ничего не стыдясь, и оплелась руками о каменную шею…

Это он, стало быть, тогда к ней сначала пришел. Прямо со станции. Чтоб вместе потом у его родителей появиться. Ну, она оделась понаряднее, и пошли. А потом родители Колькины по случаю возвращения сына гулянку устроили. Всех в гости созвали, кого могли! И друзей, и знакомых, и соседей. Может, и не надо было этого делать, наверное… Не надо было так лихо праздновать-то. Надо было дать отойти парню, приспособиться как-то к гражданской жизни. А тут каждый подходит, и со всеми рюмкой чокнуться изволь, прими радость! Вот Колька и принял в себя этой радости столько, что потом лучше и не вспоминать, что было…

Затянулась эта их пьянка-гулянка до поздней ночи. Народ все шел и шел. То друзья Колькины с вечерней смены заглянут, то родственники из деревни на последнем автобусе свалятся… Сунулись – выпивка закончилась. Никто толком и не понял, как это Колька так лихо вывел отцовские «Жигули» из гаража да за руль сел. Маруся все потом себя спрашивала – она-то где в тот роковой момент была? Почему проворонила? Не остановила? Она ж рядом с ним должна была находиться…

В общем, совершил в ту ночь пьяный Колька наезд на пешехода. И откуда у них в городе ночью этот пешеход взялся? У них и днем-то народу на улицах невелико – светофоры так только, для видимости стоят… Сбил насмерть человека. Когда полиция да гаишники в дом приехали – им поначалу и не поверил никто.

Все последующие события для нее пролетели вязко и мутно, как в дурном сне. Хоть и быстро пролетели. А чего не быстро-то? О чем тут следствие вести? Вот вам убийца виноватый, вот человек убитый. И неважно, что на улице совсем темно было, и неважно, что в том самом месте отродясь никаких фонарей не было. И тем более неважно, что радостное событие Колька отмечал. Сел пьяный за руль – ответь. Все оно так, конечно. Все правильно. На то оно и правосудие. И нет этому правосудию никакого дела до бедного Марусиного сердца, рвущегося через голову адвоката туда, через железные широкие прутья решетки, к Кольке,

безысходно обхватившему свою голову крепкими руками…

Дали Кольке три года колонии и три года поселения. Судья беспристрастно прочитал приговор, человек в форме так же беспристрастно отомкнул замок железной клетушки, вывел Кольку в наручниках. Все. Кончилось для Маруси прозрачное счастье. Как будто и не было ничего. Шесть лет. Шесть лет. Даже цифры такие в голове не укладывались. Шесть лет! В любой молодости шесть предстоящих впереди лет кажутся огромной жизнью, которую и не прожить никогда…

Потом она домой пришла. Закрылась в той самой сараюшке, как мать когда-то, завыла-запричитала взахлеб, упершись взглядом в толстую связку лука. Что ж, видно, это у них семейное, на женском роду написано – на лук плакать. Правда, мать ей долго плакать не дала. Ворвалась, дернула за волосы пребольно, подняла на ноги, встряхнула с силой:

– Не смей, Маруська! Кому говорю – не смей! И думать забудь, чтоб по нем плакать! Ты молодая еще, все у тебя впереди!

– Ой, мама! Шесть лет… Это ж так много – целых шесть лет… – зашлась в горьком слезном приступе Маруся, падая ей на плечо.

– Значит, тем более не смей! Считай, что я за тебя весь этот случай в свое время отплакала, поняла? Еще чего не хватало, чтоб ты мою судьбу к себе прибрала. И не смей больше об этом думать! И чтоб я имени даже его не слышала! Нету его! Нету никакого Кольки Дворкина! И не было никогда!

– Да как же, мама, не было? Ведь был… Что же я, в голову к себе залезу да память там убью, что ли? Ой, целых шесть лет, мама…

– Замолчи, замолчи, Маруська! – глотая слезы, дрожащей рукой впилась ей в плечо мать. – Не рви мне душу, Христом Богом тебя прошу, не наказывай… Это моя, только моя судьба такая! Хватит с меня и моего горя горького за грех мой… Иди, поешь лучше, да работать будем! Вон из-под коровы не убрано! Работать надо, Маруська, работать, оно все и забудется…

Работать ни в тот день, ни в следующий Маруся так и не смогла. Лежала колодой бесчувственной, в потолок смотрела. Слушала, как ходит тихо мать по

кухне, звенит банками, как говорит с кем-то сердито во дворе.

– Кто это приходил, мам? – вяло подняла она голову от подушки, когда мать вошла к ней с большой кружкой парного молока.

– Да это мать Колькина. Поплакаться приходила, дурища! Нашла тоже кому плакаться.

– А где она? – села Маруся на постели.

– Так я прогнала ее со двора. Сказала, чтоб никогда не приходила сюда больше.

– Почему, мам?

– А потому! – сердито сдвинула брови мать, глухо стукнув кружкой об стол. – Нечего ей тут делать! Тебя с ума сводить зазря! Иль она думает, что ты все шесть лет будешь тут в бобылках куковать да ее сыночка из тюрьмы дожидаться? Нет уж! Не бывать этому!

– Так я ж люблю его, мам! У меня больше никого и нету…

– Нету – так будет! И думать про Кольку забудь! И это мое последнее для тебя материнское слово! Поняла? И думать о нем не смей! Чтоб с тюремщиком… Ты знаешь, какие они оттуда приходят?

– Мам, ну зачем ты так? Какой он тебе тюремщик? Он же не виноват… Он просто пьяный был. Он же не хотел этого, мам!

– Да мало ли, что не хотел? Что случилось, то случилось. Судьба, значит, такая. А у тебя своя судьба будет! И вот еще что, Маруська… Письма будет тебе писать – не отвечай! Иль отпиши, что замуж вышла. Не надо тебе этого. Не допущу я. Камнем в ноги брошусь, а не допущу! Так и знай! Мой грех, мне и действовать. И не перечь мне лучше. Я знаю, что говорю.

Сев рядом с Марусей на кровать, она вздохнула тяжело, будто разом выпустила из себя весь воинственный пыл, опустила плечи, проговорила тихо:

– Вот так и живешь и не знаешь, где оно в тебя прилетит, с какого боку… А я, дура, радовалась, что все у тебя так хорошо складывается. Видно, чего больше всего для своего дитя боишься, то и прилетает.

Первое письмо от Кольки пришло через два месяца. Из Воркуты. Слово это – Воркута – показалось Марусе колким и страшным, как колючая проволока. Так и виделось через это слово Колькино лицо – потемневшее, небритое, с потухшими от безысходности глазами. И строчки в письме были какие-то холодные и короткие, будто под диктовку написанные. Вроде как и писать ему особо не о чем. Только в конце письма промелькнула немного живая искорка, похожая на маленькую надежду. Вроде того, что три года пролетят быстро, а на поселении здесь люди очень неплохо живут, и даже с семьями, и детей рожают… Мать, как это его письмо прочитала, взбеленилась:

– Ишь – на поселении они там неплохо живут! Еще чего выдумал! Это на северах-то! Умный какой нашелся! Вот и пусть там ищет себе такую же умную, которая жить с ним станет! Тебе-то зачем об этом знать? И вообще – не читай ты этих его писем больше! В печку их сразу, в печку! И чтоб я не слышала о них больше! Ты вон ходишь – почернела уже вся и учебу забросила, а у тебя диплом на носу! Прямо страх на тебя глядеть! Еще три года, гляди-ко, не отсидел, а уже про поселение заикается…

Больше они на эту тему с матерью не говорили. Будто бы и не было ее. И письма от Кольки больше не приходили. Маруся, конечно, догадывалась, что мать их перехватывала да в печку совала, как и грозилась, но молчала. А чего она сделать могла? Ничего и не могла. Образовались у нее в душе непонятные пустота и глухота, сложились мутными слоями из предстоящих шести лет, будто они и не впереди были, а сзади уже прожиты. А иногда эта пустота становилась вдруг колкой и сухой, и черной, как слово страшное «Воркута», и щипала глаза ночами, и Маруся плакала в подушку тихо, чтоб мать не слышала…

Колледж она окончила. Правда, без красного диплома обошлось, ну да ладно. Зато на работу ее взяли сразу, и в хорошее место. Экономистом в строительную фирму. Правда, она не совсем уж таки фирмой была, контора эта, просто именовалась так претенциозно. На самом деле это был маленький филиал большой фирмы под названием «Стройсоюз», головной офис которой находился в областном центре. Объекты у этого «Стройсоюза» были действительно большие и серьезные, и филиалов по области рассыпалось много. И в Кокуе тоже вот филиал был. А что в самом деле? В Кокуе, что ли, дома строить не надо? Еще

как надо! И цех новый к сталепрокатному заводу строить надо, и школу тоже. Заказов хватало. Правда, по причине большой отдаленности стройсоюзовское начальство у них нечасто появлялось, но работой филиала было довольно. По крайней мере, начальник их, Владимир Николаевич, так говорил. А еще говорил, что от начальства подальше – душе спокойнее. Вот и копошились они себе потихоньку, работали, осваивали даденные сверху капитальные вложения да туда, наверх, об успехах докладывали. Но, как говорится, любому спокойствию когда-то конец приходит. Собрал их как-то на срочное совещание Владимир Николаевич и объявил – готовьтесь, к нам едет ревизор…

Если б знала тогда Маруся, какую роль в ее жизни сыграет этот самый заезжий ревизор! Вернее, ревизорша. Дорогая Анночка Васильевна. Вернее, это потом уже, с легкой руки матери, эта женщина стала для нее Анночкой Васильевной, а поначалу она оказалась, конечно же, Анной Васильевной Бритовой, заместителем генерального стойсоюзовского директора по финансовым вопросам. Строгая дама. Сухая, въедливая. И фамилия ей была под стать – посмотрит, как лезвием полоснет. Так и начала к каждой бумажке сразу придираться – что это да откуда это… Бедную главную бухгалтершу чуть до инфаркта не довела. Такой тон сразу взяла, будто они тут все воровством да приписками занимаются… Вот интересно, отчего это все ревизоры такие ревностно-подозрительные? В крови у них это, что ли? Иль на человека так плохо влияет возможность другого в чем-то уличить? Неужели это так приятно – подозрением кого-то унизить? Ну ладно бы, если б ошибок много нашла, тогда еще такое отношение можно было как-то объяснить. А так – непонятно…

Правда, к Марусе Анна Васильевна отнеслась сразу благосклонно. И даже похвалила за порядок в документах. А может, увидела, как Маруся ее честно боится. Как шустро бросается продемонстрировать этот свой порядок, как со спешащей готовностью тащит на обозрение любую папку с отчетами да калькуляциями. Не успеет Анночка Васильевна задуматься да слово свое строгое ревизорское молвить, а Маруся шасть в свой кабинет – и нате вам, пожалуйста! Вот оно, все в папочке аккуратненько подшито, все подписано, все без единой помарочки. Цифирка за цифиркой бежит и цифиркой погоняет. И все чаще звучала из уст Анночки Васильевны сдержанная похвала: молодец, молодец, девочка… А на второй день она уж и особой панибратской чести удостоилась – вместо официальной Марии Сергеевны стала просто Марусей. И в который уже раз удивилась про себя – вот почему, почему ее все так и норовят Марусей назвать? Почему, например, не Машей? Что к ней, навечно, что ли, это имечко приклеилось? Вот посторонний вроде человек эта строгая ревизорша, а туда же – Маруся…

На третий день своего ревизорства Анночка Васильевна заявилась к ним совсем уж сердитая. Раздражение так и шло от нее волнами – подойти страшно. Главная бухгалтерша, спеша к ней по коридору с бумагами, уже заранее всхлипывать начала. Вздумала даже перекреститься перед тем, как войти, да все бумаги вокруг себя и рассыпала, и наклонилась, кряхтя, чтоб собрать. Маруся бросилась ей на помощь, попыталась приободрить как-то, да та только рукой махнула:

– Ой, да ладно… Сейчас мы все и в том еще виноваты будем, что в гостинице горячей воды уж третий день как нет!

– Как это – воды нет? А как же она обходится, ревизорша-то?

– Да откуда я знаю! Как-как… Она ж городская насквозь, привыкла, наверное, каждый вечер в ванне полоскаться. А тут обломалась! Вот и злится теперь! Да и то – нечего в такую даль на проверки ездить! Сиди дома! Тут люди работают себе и работают, и нечего им ошибками в морду тыкать! Подумаешь – ошибки! У кого их нету, ошибок этих…

– Но ведь в самом деле тяжело – третий день не помывшись…

– А ты давай не защищай! Ишь, какая жалельщица нашлась! Тебе-то хорошо – она к тебе не придирается! Ладно, помогла, и иди себе. Спасибо.

К вечеру Маруся решилась. Заглянула в кабинет к Анночке Васильевне, улыбнулась кротко, произнесла нерешительно:

– Анна Васильна, а может, вы это, может, в бане хотите помыться? А что? Пойдемте к нам?

– В бане? Я – в бане? – с сомнением и немножко с ужасом переспросила ревизорша, повернув к Марусе голову. – А ты что, меня на дачу к себе хочешь пригласить?

– Ну почему на дачу? Нет, я домой. Мы с мамой в частном доме живем. Пойдемте, Анна Васильна! У нас баня хорошая, большая. Как натопим! А то что же – третий день не мывшись. А вдруг и сегодня в гостинице воды не будет?

– Да уж. Это будет катастрофа… – задумчиво посмотрела на нее Анна Васильевна. – Ну что, пойдем, коли так! Веди меня, Сусанин! – и даже рассмеялась тихо и снисходительно, сильно откинув голову. – Только учти: никому ни слова, поняла? А то поймут не так.

– Да ни в жизнь никому не скажу! Что вы!

– А идти далеко?

– Не-а! Четыре остановки на автобусе, потом пешком минут двадцать-тридцать…

– Да уж, недалеко…

– Так, может, у Владимира Николаевича машину взять? Шофер отвезет…

– Нет. Не надо машину. Так пройдемся. Посмотрю хоть, что за город такой, ваш Кокуй…

Мать встретила Марусину важную начальницу так, будто была с ней сто лет знакома. Без реверансов. Вышла из коровника с подойником, в белом платочке на голове, повязанном по-деревенски, со смешным узелком на лбу. Вытерла руку о фартук, протянула по-свойски для знакомства.

– Ну что ж, баню так баню. Это вы, девки, хорошо придумали. Это мы счас. Это мы мигом истопим. Да ты проходи, проходи, Анночка Васильна! Не стесняйся! Будь как дома! Мы люди простые, свойские…

– Ой, а это у вас что? Молоко? Настоящее? – удивленно показала пальчиком на подойник Анночка Васильевна.

– А то! Конечно, настоящее. Парное. Хочешь попробовать, что ль?

– Хочу-у-у… – нерешительно протянула Марусина большая начальница.

У Маруси отлегло от сердца. В первый момент, когда мать так панибратски обратилась к гостье, она вздрогнула, конечно, – мало ли что… Хорошо хоть мать

не совсем уж в панибратство ударилась да к «Анночке» догадалась «Васильевну» пристроить.

– Тогда пойдем в дом! У меня как раз и тесто приспело, сейчас калач на поду испеку, – торопливо начала подниматься на крыльцо мать.

– А как это – на поду? – заинтересованно переспросила Анночка Васильевна, поднимаясь за ней.

– Ну, я гляжу, ты совсем неграмотная! – обернулась к ней мать. – Городская, что ль?

– Ага. Городская.

– Ну что ж, понятно…

Парное молоко их гостья никак не прокомментировала. Сделала несколько глотков из большой кружки, прислушалась к себе задумчиво. Да и то, не всякий человек парное молоко пить может. Вкус у него особенный. А потом начала наблюдать, как весело управляются по кухне хозяйки, как ловко мать вытянула тесто, трижды свернула в крепких руках, как фокусник, и кинула готовый калач на под, предварительно согнав на загнетку угли. Вскоре пошел по избе теплый и сытный хлебный дух, и запахло немного жженой корочкой – Маруся и сама страсть любила эту хрусткую горячую корочку, особенно с молоком…

– Ты шибко-то не наедайся, Анночка Васильна! Оставь место для ужина! А то потом париться тяжело будет! – заботливо предостерегла Надежда новую знакомую.

– А что, еще и ужин будет? – с набитым ртом переспросила разомлевшая Анна Васильевна. – Ничего себе… А я думала, хлеба горячего с молоком поедим, и всё.

– Ну, чего уж ты нас с Маруськой не уважаешь так! Мы гостей любим. Правда, Маруська? Сейчас вот вы с ней попаритесь от души, а я пока на стол соберу.

Баня истопилась моментом. У них была очень хорошая баня, справная – дед в свое время постарался. Переодетая в чистый Марусин халатик, Анна Васильевна

выглядела совсем уже не грозной, и даже не городской. И слушалась Марусю беспрекословно и с удовольствием. Забралась на верхний полок, смотрела оттуда с ласковым уважением на то, как Маруся суетится, запаривая веник, как поддает квасом для первого ароматного парку.

– Какая ты вся гладкая, Марусь… Беленькая, крепенькая! Прелесть просто! И полнота тебя нисколько не портит! А я вот все худею, худею… Зачем, спрашивается? – грустно похлопала она себя по жидким ляжкам. – Скоро полтинник стукнет, а все худею…

– Сколько? Полтинник? Да вы что… – удивленно подняла на нее глаза Маруся. – Никогда бы не подумала.

– Так стараемся, чего ж! Все по салонам да по массажам деньги разбрасываю! А так подумать, положа руку на сердце, и впрямь – зачем?

– Ой, да как это – зачем? Да у вас фигурка – как из журнала!

– Ну да. Как из журнала. Только кто его читать станет, тот журнал. Некому читать-то.

– Ой, да прямо… – простецки махнула на нее рукой Маруся. – Скажете тоже…

– Ну да. Скажу. Ни мужа у меня, ни детей. Одна только работа всю жизнь. Все карьеру торопилась делать, знаешь ли. Дура была. Карьеру вот сделала, а толку нету. Ой, ой, горячо! – завопила она вдруг, пытаясь защититься руками от идущей в ее сторону волны горячего пара. – Ты что делаешь, Марусь! Я же сварюсь так!

– Ничего. Не сваритесь. Так надо. Терпите. Сейчас еще поддам, и парить вас буду.

В дом Анночка Васильевна вернулась совсем разомлевшая. Бухнулась на стул, вытянула ноги, выдохнула сладко:

– О-о-о-о… Как будто все у меня внутри переместилось, на новое место встало.

– Ну так и хорошо, что встало! Значит, все на пользу пошло! – хохотнула весело Марусина мать. – Давайте-ка, девки, к столу. После баньки обязательно полагается рюмочку пропустить. Ты шаньгой, шаньгой лучше закусывай! – торопливо подсказала она гостье, когда та зашлась от крепкого глотка первача и начала отчаянно рыскать глазами по столу, заставленному тарелками. – Надо обязательно горяченьким закусить!

– Ой, а что это было такое крепкое, я не поняла. Виски, что ли?

– Да сама ты виска. Самогонка это! Чистая, как слеза! Погляди!

– А-а-а… Самогонка… – моргнула осоловело гостья, откусывая порядочный кусок картофельной шаньги. – Ой, а булочка какая вкусная. А это что, омлетик такой, да? Какой странный, жиденький.

– Ну, попробуй… – хитро улыбнулась Надежда, подставляя ей поближе тарелку с желтоватым, слегка дрожащим, как холодец, продуктом.

– Ой. Нет, не омлетик. Какой вкус странный… А что это такое, интересно?

– Так это молозиво.

– Что?!

– Ну, молозиво. Молоко такое. Самое первое, только для родившегося теленка. Оно густое всегда, жирное, а когда застывает, как холодец становится. На этот, как его… На модный жидкий сыр похожее.

– Ну да, похожее… – торопливо отодвинула от себя тарелку Анночка Васильевна и слегка содрогнулась.

– А ты что, моргуешь?

– Что? Как это – моргуешь?

– Ну, брезгуешь, значит.

– Нет, я не брезгую. То есть не моргую. Просто непривычно…

– Так зато полезно! Аксинья вчера как раз отелилась, вот я и взяла у нее немного молозива. Как знала, что гости будут!

– А Аксинья, это…

– А это корова наша. Аксиньей зовут. У нас их две вообще-то. Аксинья и Дуняшка.

– Хм, имена какие странные. Прямо Шолохов, «Тихий Дон»… Может, и Наташка тоже есть?

– Нет. Наташки нету. Да я и сама была против, чтоб их бабьими именами называть! Вон Маруська настояла!

– Ой, как хорошо тут у вас, господи! Баня, коровы-бабы, молозиво…

– Что, еще хочешь? Так кушай! – подвинула ей Надежда тарелку с необычным молочным продуктом.

– Нет! – торопливо выставила ладонь, отказываясь от угощения, гостья. – Нет, я уже это попробовала! Спасибо! Я вот лучше кефирчику попью. Ведь это кефирчик такой густой, да? Я не ошибаюсь? Он не из молозива сделан?

– Нет. Это простокваша обычная. Ну, можно сказать, и кефир…

– Ой, а вкусная какая! Как творог. А это…

– А это масло.

– Масло?! Такое желтое? Такого не бывает…

– Ну, давай поучи меня, какое масло бывает. У вас там, в городских магазинах, такого масла и не видали никогда! Ты попробуй, попробуй!

Так в творческих познаниях деревенского натурального хозяйства прошел для Анны Васильевны вечер. Потом, когда гостью совсем сморило, Маруся отвела ее спать в светелку. Кончилось дело тем, что остаток своей командировки провела городская гостья у них в доме, возвращаясь после трудового дня вместе с Марусей.

– Ой, Надь, а можно, я с тобой пойду? – увязалась она на следующий вечер за Надеждой, когда та, повязавшись платочком, направилась в коровник на вечернюю дойку. – Я хочу на Аксинью посмотреть. И на эту, на Дуняшку тоже…

– Что ж, пойдем, – удивленно посмотрела на нее Надежда, – только туфли свои модные сыми, замараешь. Чуни вон надень.

– Чуни? Это какие чуни?

Молча бросив ей под ноги глубокие резиновые галоши с острыми носами, Надежда стояла, смотрела сурово, как Анночка Васильевна осторожно и неуклюже сует в них ноги, потом произнесла строго:

– Только не шибко там охай. Испугаешь еще животину…

– Ой! Ой! Боже, какой хорошенький! Какой маленький! Какой красавчик! – тут же забыв все ее предостережения, громко воскликнула Анночка Васильевна, увидев в деревянной загородке лежащую на сене телочку. – Ой, мамочки, прелесть какая…

– Да тихо ты, оглашенная! – снова шикнула на нее Надежда. – Говорю же, не охай! Нельзя! Сглазишь еще! Глаз-то у тебя, гляжу, черный да урочливый. Да и не красавчик это вовсе, а красавица. Телка она. Поняла?

– Поняла… А как ее зовут?

– Так не назвали еще. Хочешь, Анюткой назовем?

– Ой, а можно?

– Так отчего ж нельзя? Пусть Анюткой и живет свое время. Правда, потом колоть жалко будет.

– Как это, колоть? Куда колоть?

– На мясо, куда…

– Так она ж еще ребенок!

– Ничего, к зиме вырастет. К новому году аккурат и заколем. Так что прошу к нам в гости на пельмени.

– Но… Подождите, как же… Что значит, вырастет? Она же все равно маленькая еще будет. Девушка совсем.

– Ну да. Эта девушка как раз молодой телятиной и называется. Чай, любишь в магазине молодую телятину покупать? Кто ж старое-то мясо есть любит?

– Боже… А я никогда вообще-то об этом не думала, – грустно проговорила Анночка Васильевна. – Так с вами здесь точно вегетарианкой станешь. И вообще… Расквасилась я у вас тут и душой, и телом.

– Так это ж хорошо, чего ж ты горюешь-то? – удивленно подняла на нее голову из-под Дуняшкиного живота Надежда. Звонкие молочные струи упруго бились об оцинкованное дно подойника, ловкие сильные руки привычно делали свою ежевечернюю работу.

– Хорошо-то хорошо, да только ни к чему мне это, – грустно вздохнула Анночка Васильевна, осторожно поглаживая по боку Дуняшку. Потом, поднеся ладонь к носу, втянула в себя задержавшийся на ней коровий запах, задумчиво подняла глаза вверх, продолжила: – Когда в городе живешь, Надь, в суете да в жестокости, такие вот лишние земные чувствования тебе ни к чему. Мешают только. Расслабляют. Там вся жизнь – борьба. И все бабы – стервы.

– И ты, что ль, стерва?

– Еще какая! Не будешь стервой – сразу под себя подомнут и звать как не спросят. Знаешь, с каким трудом я этого места добивалась, на котором сейчас сижу? Ой, да если рассказать…

– Так зато в люди вышла, зарплату, чай, высокую получаешь! И не надо тебе ни на земле, ни в доме горбатиться.

– Ну да. Это так. Что есть, то есть. Но зато ни одной живой души рядом нет, чтоб в плечо поплакаться. И на работе тоже никому довериться лишний раз нельзя. Кому доверишься, тот тебя и спихнуть норовит в первую очередь. Кругом одни интриганы! Вот и приходится все время оборону держать. Мне свои люди ой как нужны, ты даже не представляешь как. Я вот как раз об этом и хотела с тобой потолковать, Надя…

– О чем – об этом? Говори прямо, не понимаю я твоих намеков.

– Да я про Марусю. Может, мне ее на работу в город забрать? А что? Девочка она очень толковая. Я видела, как она работает. Чего такому добру пропадать? А я бы ей помогла, и с карьерой тоже. У меня возможности есть. Правда, сейчас вакансий у нас нет, но это же все организовать можно в принципе…

– Та-а-а-к… Разговор, конечно, интересный у нас пошел, – задумчиво произнесла Надежда. – Очень интересный. Только не в коровнике ж об этом толковать! Иди-ка ты в дом да скажи там, пусть Маруська на стол накрывает. Посидим, обсудим.

Что ж, видно, так уж сложилось, чтоб меняли да определяли дальнейшую судьбу обитателям этого дома пришлые случайные люди. В свое время вор-рецидивист Сергей Климов в Надеждину судьбу вклинился, теперь вот и Анночка Васильевна таким пришлым случайным человеком оказалась.

– Вот так вот, Маруся. Девочка ты очень способная, толк из тебя будет. Сама видела. Считай, что ты в моем лице свой счастливый билет вытянула. Путевку в жизнь. – Сидя во главе стола и прямо, как в президиуме, держа спину, важно вещала Анна Васильевна. Слышались в ее голосе знакомые уже Марусе властные и жесткие нотки. Даже Надежда вдруг оробела от такой мгновенной метаморфозы, поглядывала на нее робко исподлобья. – Думаю, ты надежды мои оправдаешь. Да и мне, знаешь, неплохо под боком своего человека иметь. Коллектив у нас ненадежный, сволочной, все только и думают, как бы кому

пакость устроить. А на тебя я всегда положиться смогу. Ты мне своя. И еще ты, как бы это сказать? Ты очень комфортная, Марусь. На тебе глаз отдыхает. А в нашем сволочизме очень важно, чтоб на ком-то глаз отдыхал.

– Может, не надо, Анна Васильна? Как тут мама без меня на хозяйстве останется? Да и боюсь я, не справлюсь… – скромно сопротивлялась Маруся.

– Еще чего – не надо! Молчи уж! – строго перебила ее мать. – Тебе такой случай подвалил, а ты… Не слушай ее Анночка Васильна, не слушай! Она и впрямь тебя не подведет! А в городе и возможностей вон всяких сколько много! Может, и судьбу свою найдет. А что, чем черт не шутит?

– Только я быстрого успеха тебе не обещаю, конечно. Да и чтоб место тебе освободить, надо мне подсуетиться, перестановку кадровую произвести. На это тоже какое-то время понадобится. А может, и убрать кое-кого. Ну да это уж мои проблемы…

– Как это – убрать? Не надо из-за меня никого убирать! – встрепенулась Маруся.

– Да ладно, не пугайся. Я на своем месте сама разберусь. В общем, так. Примерно через месяц жди моего звонка. Надо же еще и с жильем решить. У нас при фирме общежитие есть малосемейное, я думаю, удастся туда тебя пристроить.

– Это всем скопом в одной комнате, что ль? – с сомнением спросила Надежда.

– Да нет! Ну что ты! Там квартирки такие маленькие – комнатка, кухня, туалет, ванная – все свое. Очень приличное жилье для начала, между прочим. Не каждому удается туда попасть вот так просто, это еще похлопотать надо.

Через день Анночка Васильевна уехала, прихватив с собой всяких кисломолочных гостинцев и сердечно простившись с Надеждой. Марусе же велела – жди! Вот спросил бы кто ее в этот момент – рада она этому «жди» или нет? Она бы и не ответила. Вот если б, например, сказали ей, что Колька Дворкин через год освободится и домой придет, жди его, мол. Она бы ждала! Точно бы ждала! А так… Чего ей в этом Анночкином Васильевном «жди»? Маета одна неизвестная…

Мать, наоборот, была рада. И вовсю строила планы на городскую Марусину жизнь. И каждый вечер давала советы:

– Ты там, главное, слушайся ее во всем, Марусь. Что скажет, то и делай. И старайся, старайся! Она хоть и видно, что стерва, а помочь и впрямь может. Оно даже и лучше, что стерва. Крепше на своем начальницком месте сидит, значит. Может, тебя потом на свое место и посадит. Ей вон уже сколько годочков-то! В городе-то, знаешь, не шибко старых баб в начальницах держать любят, все молодых поставить норовят. А тут – ты! Молодая, грамотная, ею же самой всему обученная. Эх, надо было тебе все ж таки в институт поступать! Да кто ж знал-то.

– Ну, мам, ты размечталась. Знаешь, там какая фирма огромная? Наш филиальчик по сравнению с ней мелочь пузатая…

– Ну так и что? Вовсе не боги горшки обжигают! Ты у меня девка умная, способная, она сама говорила.

А вот Марусина подружка Ленка Ларионова – та самая, что на психолога выучилась, – ее совсем не поддержала. Можно сказать, наоборот, категорически даже осудила:

– Нет, я не понимаю. Вот ты говоришь, она тебя комфортной назвала. А ты задумывалась, что за этим стоит, когда человека комфортным называют? И что такое имела в виду твоя начальница, называя тебя комфортной? Что ты ей в рот смотришь и своего мнения, как всегда, не имеешь? Что принимаешь слепо на веру все, что бы она ни сказала? Плывешь по ее течению? Так это, моя милая, никакая не комфортность, а конформизм чистой воды. Вот зачем, скажи, ты ее к себе домой притащила? Понравиться захотелось, да?

– Ну почему сразу понравиться? Вовсе нет… – слабо защищалась от Ленкиных нападок Маруся. – Просто мне жалко ее стало. Чисто по-человечески. В гостинице воды не было, даже помыться нельзя.

– Да брось! Жалко ей стало! Ты, Маруська, вовсе лица своего не имеешь – все по чужим мозгам да желаниям плаваешь. Надо же от себя отскакивать, самой свою судьбу строить! Как тебе хочется! А ты… Мать велела – Кольку забудь, ты и забыла. Ты ж вроде любила его сильно?

– Не надо, Лен…

– Что, что не надо? Нельзя прожить свою жизнь, делая только то, что другим нравится! Своей жизнью надо жить! Собственной!

– Как ты, что ль? Чужих мужиков из семьи уводить? – неожиданно встряла в разговор вошедшая в Марусину комнату Надежда. Встала в дверях, уперев крепкие руки в бока, выставилась сердито на Ленку: – И вообще иди-ка ты отсюда, подруженька дорогая, не сбивай мою девку с толку! Ишь, рассуждает она тут… Словам умным выучилась, а толку нету! Свою лучше жизнь устрой, а в чужую не лезь!

– А я и устраиваю! – с вызовом усмехнулась ей навстречу Ленка. – А подслушивать за дверью, теть Надь, нехорошо.

– Да уж! Устраиваешь ты! – сердито махнула на нее рукой Надежда, пропустив мимо ушей последнее обстоятельство. – Свела Серегу Головина с ума, вот и все твое устройство. Жил-жил парень при жене да при матери, пока ты не явилась.

– Значит, плохо жил… – тихо произнесла Ленка, отвернувшись к окну. – Значит, ему со мной лучше, раз в никуда ушел. И мы за счастье свое до последнего бороться будем.

– Ага! Вы ж с ним не эти… Фу ты, как его, черт. Не комфон… Не конфом…

– Не конформисты, – с готовностью подсказала ей Ленка. – Точно, теть Надь. Все правильно говорите. Мы с Серегой нормальные здоровые личности. И живем, как нам надо. А не как все от нас хотят. Хоть и трудно живем. Но счастливы, между прочим, вопреки всему.

Что ж, жили ребята, надо признать, действительно очень трудно. Отношения их завязались два года назад, поначалу тайные и греховные, поскольку Серега был женат, проживал с женой и маленькой дочкой вместе со своими родителями, в невестке и внучке души не чаявшими. Ленка особо на его уходе из семьи и не настаивала – он сам так решил. Мать Серегина, наплакавшись, указала сыну на порог, оставив в доме невестку, которой с ребенком на руках податься было совершенно некуда. Многие ее осудили, а многие, наоборот, сочли за высший

человеческий подвиг такой материнский поступок. Сереге с Ленкой особо тоже податься было некуда. Благо, что досталась ему в наследство от бабки избушка-развалюшка в деревеньке, недалеко от Кокуя, совсем уж никчемная. Вот и громоздили теперь Серега с Ленкой из своего шалаша рай, как умели. Летом еще ничего, можно до той деревеньки быстро на автобусе добраться, а весной да осенью – маета одна. Ни на чем не проедешь. Как они туда добирались, одному богу да им известно было. Но жили. Держались за свою любовь обеими руками. Пальцы в кровь, а держались. Вот и пойми, где тут подвиг, а где счастье…

– Теть Надь, сегодня Серега в ночную смену работает… Можно я у вас ночевать останусь? – резко сменила тему Ленка, просительно взглянув на Марусину мать.

– Да оставайся, чего уж… – махнула рукой Надежда, выходя из комнаты. – Только девку мою с ума не своди. Она и так вон истряслась вся: ехать – не ехать. А может, ее там судьба ждет, в городе-то? Может, тоже счастье свое найдет да за него уцепится? Не ждать же ей в перестарках Кольку Дворкина столько лет в самом деле.

* * *

– …А теперь – горько!

Красивый мужчина-тамада, похожий скорее на эстрадного артиста, осушил одним махом бокал с шампанским и поднял его над головой и уставился весело-выжидательно на гостей, требуя поддержки.

– Горько! Горько! – вразнобой закричала красивая, нарядная публика за столом, и Маруся с Никитой встали со своих мест и в который уже раз начали целоваться прилюдно.

– Раз, два, три, четыре, пять… – весело закричали гости, хлопая в ладоши.

Засмущавшись, Маруся уперлась руками в Никитины плечи, вывернулась из его объятий, быстро опустилась на стул. Какое, оказывается, наказание – вся эта шумная свадьба! Столько незнакомых лиц кругом, огромный банкетный зал ресторана, официанты в белых крахмальных рубашках – все это кружилось и

мелькало калейдоскопом перед глазами, и голова тоже кружилась, и корсет нещадно давил на ребра, и лицо у нее, должно быть, совсем пунцовое от всего этого шумного чужого праздника. Хотя почему этого – чужого? Чего это она… Ведь это же ее свадьба! Она столько раз представляла себе ее в мыслях, свою свадьбу, во всех подробностях, и даже ощущения свои при этом представляла. Правда, там, в мыслях-мечтаниях, они были совсем другими, эти ощущения. Они были там теплыми, дрожащими и немного стыдливыми. И губы, ее целующие, были другими. И руки, ее обнимающие, тоже. Кольки Дворкина там были и руки, и губы…

Нет, Никита ей очень понравился, конечно. Еще бы не понравился! Он вообще был необыкновенный. Она таких парней в своем Кокуе сроду не видела! Не было там таких парней, как Никита. Умный, вежливый, чуточку грустно-насмешливый, красивый до умопомрачения. И еще – очень загадочный. Так она эту загадку до свадьбы и не разгадала, чем же она, простушка деревенская, такого парня завлекла. А может, никакой загадки тут и нет? Может, просто понравилась, да и все? А что, бывает же… Ей и самой этого хотелось, чтоб ему нравиться. Так хотелось, что голова болела от напряжения. А вдруг он посмотрит повнимательнее и поймет, что никакая она не красивая, да и не умная вовсе… Нет, совсем не просто было ей рядом с Никитой. Вот с Колькой было просто, а с Никитой – нет. Хотя чего это она снова о Кольке…

– Марусь, ты поешь чего-нибудь! – наклонившись к ее уху, тихо-заботливо прошептал Никита. – И перестань так напрягаться, все же хорошо. Вот, смотри, я тебе салат положил. Поешь! Попробуй, он очень вкусный, с королевскими креветками!

– Ага… – благодарно улыбнулась ему Маруся. – Сейчас попробую.

Вот Кольке бы она запросто сказала – не хочу я салат! Отстань! Я, мол, вообще салаты не ем, потому что не понимаю мешанины этой! Чего хорошего-то – продукты только переводить! Гораздо же вкуснее съесть все по отдельности. Чем проще, тем лучше. Ей казалось, что и сама жизнь так устроена должна быть – от простоты. Тогда в ней все понятно и прозрачно будет. И все видно. Если креветка, так она и есть креветка – деликатесный продукт. А помидор – он и есть помидор. Овощ, значит. А сыр, он тоже сыр…

Вздохнув, она зацепила вилкой салат, принялась вежливо жевать. Что ж, придется отвыкать от прежних своих привычек, раз так жизнь сложилась. Чего

ее гневить, жизнь-то. Она к ней вон каким благосклонным боком повернулась! И Анночку Васильевну к ней в дом направила, и Никиту вот подарком подсунула. Анночка Васильевна, например, как Никиту увидела, только руками всплеснула:

– Ну, ты даешь, Маруська! Только успела в городе нарисоваться, а уже такого мужика себе отхватила! Да еще из такой семьи! Значит, не зря я тебя из твоей дыры вытащила, слушай! Значит, судьба у тебя такая счастливая.

Поначалу Анночка Васильевна встретила ее очень сурово. Даже когда позвонила ей через месяц, уже голос в трубке звучал короткими сухими командами – собирайся, мол, приезжай. Жду. Пусть тебя уволят сразу, в один день. Здесь место освободилось, для тебя держу. Ну, она и встрепенулась, и собралась в один день, и заявилась утречком с поезда прямо к ней в головной офис…

– Так. Хорошо, что быстро приехала. Иди сейчас в отдел кадров, там тебя оформят. А потом – в общежитие. Комната для тебя тоже готова. Вещи отнесешь. Потом снова сюда, ко мне подойдешь, поняла? – быстро проговорила она, не поднимая озабоченного взгляда от разложенных по столу бумаг. – Иди, иди, Маруся, некогда мне пока с тобой… У меня совещание сейчас будет.

От такой холодной встречи она поначалу оторопела, конечно. Но ведь Анночка Васильевна ее предупреждала, что так будет! Вздохнув и подхватив сумку, поплелась в отдел кадров, потом поехала в общежитие селиться. Комната ей понравилась. И впрямь, как маленькая игрушечная квартирка. Все под рукой. И все есть. И холодильник, и телевизор. Живи – не хочу. Однако рассматривать комнатку ей было некогда – тут же рванула обратно. Наверное, надо уже сегодня и к работе приступить! Зря, что ли, Анночка Васильевна для нее место держала.

Однако ни в тот день, ни в следующий приступить к новым обязанностям ей не пришлось.

– Эй! Эй! Новенькая! Как тебя там, Климова! – окликнула ее в коридоре строгая девчонка из кадровой службы. – Зайди-ка к нам еще раз! Ты направление на диспансеризацию взять забыла!

– Куда? Зачем мне на диспансеризацию? Это в больницу, что ли? Нет, мне не надо, наверное. Я совершенно здорова. Анна Васильевна сказала, что мне сегодня же к работе приступить надо.

– Ну, мало ли, что сказала Анна Васильевна! У нас для всех правила одни! Полагается так! Мы всех новеньких сначала на диспансеризацию направляем!

Взяв направление, Маруся робко заглянула в кабинет к своей новоявленной начальнице, протянула ей бумагу:

– Тут вот, в кадрах дали…

– Что такое? – недовольно заглянула ей в руки Анна Васильевна. – А, ну да, ну да, поняла. Что ж, надо так надо. Иди в поликлинику, что ж… Пробегись там быстро по врачам, я думаю, в один день уложишься.

Хотя куда там было – в один день! Список, который назывался «пробежаться по врачам», оказался не таким уж и маленьким. Да это еще ничего бы, если бы просто пробежаться! У каждого кабинета, куда ни сунься, оказывается, очередь из таких же страждущих скопилась. Да еще и кабинеты эти расположены на разных этажах да в закоулках – поди разбери, где какой! Отоларинголог на первом этаже, окулист на четвертом, к невропатологу вообще с другого входа заходить надо, а уж кабинет гинеколога Маруся вообще никак не могла найти, сколько ни плутала по закоулкам большого здания поликлиники. Даже в глазах зарябило от четырехзначных номеров кабинетов. А вот вроде бы та самая дверь…

– Раздевайтесь! До пояса! – быстро скомандовал ей молодой врач в белоснежном халате, не отрываясь от бумаг на своем столе.

Пожав плечами, Маруся торопливо начала стягивать с себя кофточку, потом долго расстегивала застежки лифчика нервно дрожащими пальцами, тихо про себя недоумевая – почему до пояса-то? Вроде у гинеколога наоборот надо…

– Ну что, разделись? Подойдите ко мне! – снова скомандовал врач.

Что ж, она подошла. И опять же тихо про себя удивилась, когда он, встав со своего места и наклонясь к ней, начал сосредоточенно мять пальцами ее грудь. И так, и этак. Долго мял, она аж испариной от неудобства покрылась. Но терпела. Что ж, раз надо. Странный какой-то гинеколог. И кресла у него специфического в кабинете нету… Может, у них тут, в большом городе, свои какие-то новомодные медицинские способы появились, чтоб женские интимные места обследовать?

– Что ж, у вас все в полном порядке, можете не волноваться. Давайте ваш талон и карточку, я вам запись сделаю.

– А у меня не карточка, у меня вот… Я на работу поступаю, мне просто расписаться надо, что я у вас была на диспансеризации.

– Как это – расписаться? Вы чего, девушка? – впервые посмотрел ей в лицо врач. – Меня в списке осмотра на диспансеризацию нет, я же маммолог.

– Кто?!

– О господи… Маммолог! Врач такой. Вы, по всей видимости, меня с гинекологом перепутали!

– Простите… – пробормотала Маруся. – Ой, как неловко получилось… А я думала…

Вмиг почувствовав, как вспыхнули быстрым стыдом щеки, она автоматически скрестила на груди руки и попятилась от него к стулу, на спинке которого сиротливо пристроились лифчик и кофточка. Даже захотелось плакать от стыда.

– Ну чего вы так расстроились, девушка… – улыбнулся ей ободряюще врач. – Ничего же страшного не произошло! Зато теперь знать будете, что вы здоровы.

– Да, да, спасибо, – прошептала Маруся, с трудом попадая головой в горловину кофточки. – Извините меня…

Выскочив из его кабинета, она пулей промчалась по коридору, остановилась в холле у окна, прижала дрожащие ладошки к щекам. Господи, зачем она

притащилась в этот проклятый город? Чего ей в родном Кокуе не сиделось? Вот так теперь и будет позориться на каждом шагу… Одному мужику грудь за здорово живешь покажет, другому еще чего-нибудь… Фу, неудобно-то как…

– Что, все еще переживаете? – раздался у нее за спиной сочувствующий и слегка насмешливый голос давешнего маммолога. – Девичий позор перенести не можете?

– Нет-нет, я просто… Я просто заблудилась тут у вас… – торопливо смахнув слезу, повернулась к нему от окна Маруся. – Не подскажете, где кабинет гинеколога?

– Подскажу. Пойдемте, я как раз туда иду. А хотите, я вас без очереди проведу? Так сказать, в компенсацию за девичий позор…

– Нет-нет, спасибо, я сама!

– Да ладно! Идемте, не вредничайте. Вы куда на работу поступаете?

– В «Стройсоюз».

– Что ж, солидная организация. На слуху. А кем, если не секрет?

– Экономистом.

– О! И профессия у вас тоже солидная! А как вас зовут?

– Маруся. Ой, то есть Мария… Маша…

– А фамилия?

– Климова.

– Что ж, успехов вам, стыдливый экономист Маша-Маруся Климова. Подождите здесь, – остановился он у двери кабинета, – я скажу, чтоб вас без очереди вызвали.

Ее действительно вызвали без очереди – хоть в этом повезло. Но всех врачей по списку в тот день ей обойти так и не удалось. Расправилась она с этой проклятой диспансеризацией только на следующий день к обеду – выскочила на крыльцо поликлиники совершенно этой процедурой изнуренная. И тут же наткнулась на вчерашнего своего знакомца, в самом прямом смысле слова наткнулась. Лбом прямо ему в грудь. Налетела с ходу, как на стену. Вот же неловкая какая, господи…

– Стоп, не падайте мне в объятия, я этого недостоин, – придержал он ее за плечи, весело заглянув в глаза сверху вниз. Она вдруг увидела, какие у него глаза – необыкновенно-синие. Такие только у киношных артистов бывают. Синие, умные и немного грустные. И улыбка такая смешливая, но не обидная вовсе.

– Ой, здравствуйте! А я уже все, я всех врачей пробежала! – поделилась она с ним своей радостью, тряхнув зажатой в руке бумажкой.

– Что ж, поздравляю. А вы сейчас куда идете? Может, мы посидим где-нибудь?

– Как это, посидим? Что вы… Мне сидеть некогда. Мне на работу надо.

– Да? Жаль. А я вот, наоборот, слишком рано приехал. У меня прием с трех часов. Можно было бы пообедать сходить.

– Так пообедать или посидеть? – удивленно моргнула ресницами Маруся, одновременно пожав плечами.

Он тоже уставился на нее несколько удивленно, словно она ляпнула что-то совсем уж несусветное. Хотя и впрямь, наверное, ляпнула. Наверное, у них тут «посидеть» и «пообедать» одно и то же обозначает.

– А знаете что? А давайте! – спешно пытаясь исправить свою ошибку, решительно произнесла Маруся. – Давайте посидим! Я так проголодалась – сил нет! Я утром даже не позавтракала! Не успела ничего купить с вечера. И спать легла голодной.

– Ну, вот и замечательно! Давайте посидим-пообедаем! Пойдемте, вон там, за углом, замечательное летнее кафе есть. Меня, кстати, Никитой зовут. А вас

Марусей. Я помню.

Так они и познакомились. А потом закрутилось все так быстро и непонятно, будто понесло ее куда-то сильным ветром, от которого ни опомниться, ни остановиться нельзя. Хотя, если честно, ей не особенно и хотелось опоминаться да останавливаться. Несет и несет. Тем более ей так до конца и не верилось, что этот ветер ее до свадьбы донесет. А может, Никита ей и не сделал бы предложения, если б не Ксения Львовна. Маруся помнит, как она эмоционально всплеснула ручками, когда Никита впервые привел ее к себе в дом:

– Ой, прелесть какая, Никитушка! Чудо, чудо природное! Какие конопушки, какие ямочки… Вот! Вот это именно то, что тебе надо!

– Мам, успокойся! Не смущай девушку. Иначе она испугается и убежит. Я ее знаю. Правда, Маруся?

– Нет… Я не убегу…

– А вас Маруся зовут, да? Какое чудное имя – Маруся… – снова плеснула в нее смешливым восхищением Ксения Львовна. – Ну проходите, Маруся, проходите! Вы меня извините, что я так бесцеремонно вами любуюсь! Просто такую вот девушку сейчас редко на улице встретишь. Такое вот солнышко первозданное. Вы знаете о том, что вы есть самая чистая прелесть, Маруся? У вас каждая веснушка на лице отдельным солнышком светит. А можно, я к вам на «ты» буду обращаться?

– Можно… – робко улыбнулась ей Маруся, про себя удивляясь потоку этой странной экзальтации.

– Вот и замечательно! А меня зовут Ксения Львовна. Я Никитина матушка, как вы сами уже догадались, наверное. Витя! Витя! Иди, познакомься с Никитушкиной девушкой! – крикнула она куда-то в глубину квартиры. – Иди быстрее, посмотри, какое Никитушка чудо к нам привел!

Никитин отец Виктор Николаевич, слава богу, оказал ей гораздо более сдержанный прием. Вышел в гостиную, расшаркался не то что бы вяло, а как-то равнодушно даже. Склонился, ручку поцеловал. Потом улыбнулся одним уголком рта, взглянул коротко на жену, проговорил нарочито вежливо:

– Очень рад, очень рад… Извиняюсь, конечно, но должен вас покинуть. Дела, знаете ли.

Был Виктор Николаевич очень похож на Никиту – такой же, наверное, в молодости красивый был. Да и сейчас он был хорош. Походил немного на барина, несущего на себе гнет поднадоевшей повседневности. Как раньше говорили – сплин. Если халат с кистями на него надеть – чисто барин. Бросались в глаза его особенная, вальяжная посадка головы, седой бобрик волос, отстраненный взгляд умных голубых глаз. Правда, глаза были не такими яркими, как у Никиты, поблекшими от времени, даже мутноватыми немного. Оттого, может, и выглядел Виктор Николаевич таким уставшим.

– А ты что, разве обедать с нами не будешь, Виктор? – спросила удивленно Ксения Львовна, делая ударение на последнем слоге в имени мужа и тем самым добавляя как бы последний штрих к его «барскому» портрету. – Надо же познакомиться с нашей гостьей поближе…

– Нет. Мне в клинику надо. Там Сергеев из Швейцарии новое оборудование привез, докладывать будет. Неудобно отсутствовать.

– Ну что ж, поезжай… – ласково махнула на него рукой Ксения Львовна. – Сергеев так Сергеев. За ним действительно приглядеть надо, за Сергеевым этим. Без тебя тут разберемся.

Из рассказов Никиты Маруся уже знала, что отец его, Виктор Николаевич Горский, руководил большой стоматологической клиникой. Это потом уж выяснилось, гораздо позже, что руководить-то он ею руководил, конечно, а только единоличной частной владелицей той клиники была его жена – Ксения Львовна Горская.

На следующий день Никита сделал Марусе официальное предложение. Ее так и подмывало спросить – мама, что ль, поторопила? Конечно же, ничего такого она спрашивать не стала. Да и не похож он был на маменькиного сынка – вовсе даже не похож! Никита был такой… Она даже и сама не смогла бы в точности определить, какой он был, ее Никита. Ну, милый. Ну, добрый. Интеллигентный. И еще – будто отстраненный от всего, что происходило с ним рядом. Смотрел на нее всегда непонятно – будто любовался задумчиво. И улыбался – весело и грустно одновременно. Она что-нибудь рассказывает ему, а он улыбается и

молчит, улыбается и молчит… На Кольку Дворкина, по крайней мере, он уж точно не походил. Да куда там! Их и рядом даже поставить нельзя было! И не в том дело, что Колька хуже был, просто интеллигентности вот этой Никитиной в Кольке отродясь не было. И мешанины из веселости и грусти тоже не было. Все в Кольке было понятно – где грусть, а где веселье…

Вообще она к Никите за это короткое время очень привязалась. А как было не привязаться? Город большой, чужой, незнакомый. Враждебный даже. Ни родственников под боком, ни друзей-подруг мало-мальских. Приходи после работы в свою комнатку и плачь – ничего больше и не остается. И Анночка Васильевна ее не особо своим вниманием баловала. Наоборот, была с ней суха и строга, держала от себя на расстоянии, будто и не сидели они на одном полке в кокуйской бане. Если б не Никита – сбежала бы через месяц обратно как пить дать. Хотя и Никита тоже не очень старался, чтоб ее чем-то развлечь. Ни в кино не звал, ни на концерты, ни просто по бульварам прогуляться – не ухаживал то есть. И цветов с подарками не дарил. Просто приходил в гости, сидел молча, улыбался непонятно. Говорил – хорошо ему с ней. Вроде как тепло от нее идет, такое сильное, что можно его руками потрогать. Ей даже странно немного было – красивый парень, умный, а прилепился к ней, как бездомный ребенок… Так и до свадьбы вот дело дошло.

– Эй, рыжик, ты чего задумалась? Очнись! Слышишь, опять нам «горько» кричат… – вздрогнула она от его тихого насмешливого шепотка ей на ухо. – Сейчас опять гостей ублажать будем. Терпи, рыжик, еще немного осталось!

И впрямь, народ уже вовсю заходился в требовании обязательного поцелуя, и пришлось встрепенуться, и глянуть в калейдоскоп смеющихся хмельных лиц. Краем глаза она выхватила из калейдоскопа маму – лицо довольное, восхищенное, гордое. Даже немного торжествующее. Сбылась мамина мечта – вырвалась дочка в хорошую замужнюю жизнь. К хорошим людям попала. Вон они кругом какие – дамочки с узкими лямочками на плечах, в гладких длинных платьях, мужики все как один солидные, ладные, в строгих костюмах… Сама мама в своем блескучем старомодном турецком костюме с широкой складчатой юбкой выглядела в этом гламурном обществе, как бедная родственница на чужом празднике жизни. Да и Ленка тоже подкачала – не могла уж платье себе поприличнее купить, свидетельница все-таки… Хотя откуда у нее деньги на дорогое платье? На хлебах психологических много денег не заработаешь, особенно в их родном Кокуе. А еще Маруся чувствовала, как Ленка сердилась. Не нравилось ей все это великосветское застолье, наверное. Сидела рядом,

фыркала потихонечку. Хорошо, хоть молча фыркала, без комментариев. Хоть бы пляски поскорее тамада объявил, что ли… Сколько уже можно за столом сидеть? Странная какая-то свадьба. Вот у них в Кокуе свадьбы играют – ух! Чуть посидели за столом, поздравили молодых – и плясать! Весело! А тут… И молодежи вон за столом мало. Маруся, конечно, хотела девчонок с работы позвать, но Анночка Васильевна ей строго-настрого запретила. Зачем, говорит? Кто они тебе? Подружки, что ли? Потом только обсплетничают, и всё. Да и вообще, говорит, особняком тебе от них надо держаться, потому что я тебя дальше продвигать начну, и дружба эта тебе только во вред будет.

Потом были и танцы, конечно. Появились на сцене музыканты, заиграли вальс, и они, Маруся с Никитой, покружились по залу, правда, довольно неуклюже. Корсет вовсю давил Марусе на ребра, и лица мелькали слившейся в единую полосу круговертью, и внутри у нее сделалась какая-то странная истерика, будто собралось там все волнение в беспокойную кучку и лупит что есть силы по сердцу. В один момент Марусе даже показалось, что она свалится сейчас Никите под ноги, опозорится перед гостями. Он вовремя ее удержал, обнял заботливо за талию, заглянул в лицо:

– Тебе плохо, Марусь? Может, воды?

– Да нет, ничего, просто голова закружилась… – слабо махнула она рукой в тонкой ажурной перчатке.

– Марусенька, что? Что? – тут же подскочила к ней и Ксения Львовна. – Что с тобой, моя девочка? Тебе плохо? Ты переволновалась, наверное?

– Да ты, сватьюшка, не волнуйся. Она у меня девка крепкая. Все выдюжит, – успокоила ее подошедшая мать.

– Как вы меня назвали? Сватьюшка? Ой, прелесть какая! – ласково тронув мать за руки, расхохоталась Ксения Львовна. – Какое замечательное, право, словечко – сватьюшка…

И правда, смешно. В своем шикарном бледно-голубом атласном платье с открытыми плечами Ксения Львовна на «сватьюшку» уж никак не тянула. Но, надо отдать ей должное, с мамой держалась очень демократично. Может, даже слишком демократично. Старалась изо всех сил, наверное. Вон даже и под ручку

ее не погнушалась взять, и знакомить повела с родственниками. А мама молодец – хорошо держится. Как будто всю жизнь свою провела не с Аксиньей да Дуняшкой в компании, а в этом блестящем обществе. Вон уже и танцует с каким-то господином в смокинге.

– Слушай, а они что, богатые, что ли, родственники твои нынешние? – язвительно спросила Ленка, вложив в свой вопрос хорошую порцию только что, видно, зародившейся классовой ненависти. – Свадьба в ресторане, все из себя тетки в бриллиантах…

– Да я не знаю. Наверное, Лен, – пожала плечами Маруся, испуганно оглянувшись на отошедшего на минуту Никиту. – У них своя клиника, по-моему. Стоматологическая. Никита говорил, самая известная в городе…

– Ну, ты даешь, подруга! – насмешливо присвистнула Ленка. – Кто бы мог предполагать… Сидела в своем Кокуе, хвосты коровам крутила, и вот – сразу козырную карту вытянула! Выходит, не зря Колька тебе дорогу освободил…

– Тише ты! – испуганно шикнула на нее Маруся, снова покосившись в сторону Никиты. – Не надо сейчас про Кольку…

– Ну так оно понятно, что не надо! – не унималась никак Ленка. – У каждого свой путь, да? Любовь была одна на двоих, а теперь каждому – свое? Так получается? Пусть он там со своей любовью чалится от звонка до звонка, а ты будешь в стоматологическом богатстве жить? Эх ты, Маруся Климова, прости любимого…

Ну вот зачем, зачем она так? А еще подруга называется! Даже если и права, что она может сделать? Она ж не виновата, что так получилось. Что именно в Кокуй принесло на проверку Анночку Васильевну, что воды в гостинице не оказалось, что перепутала она в поликлинике гинеколога с маммологом, что… Да мало ли сколько их, этих самых «что»!

В общем, настроение ей Ленка испортила окончательно. Благо, что его на усталость и волнение можно было списать. Да еще то благо, что отпустили молодых с гулянья пораньше – свою первую ночь они должны были провести на даче, за городом. Это Ксения Львовна так придумала. Чтоб не было кругом никого…

* * *

Проснулась Маруся поздно. В открытую балконную дверь сочился свежий аромат дачного утра, теплого и праздничного. И пели птицы. И занавеска полоскалась на ветру игриво, и солнечный луч уперся ей в щеку, гладил нежно и ласково – вставай… Осторожно выскользнув из-под одеяла, чтоб не разбудить Никиту, она накинула халат, вышла на балкон, потянулась от души так, что даже пискнуло где-то внутри, и пробежала по телу легкая истома-радость. Утро и впрямь было чудесное. Такое же утро, как дома, в родном Кокуе. Боже, как давно Маруся вот так не просыпалась, чтоб можно было выйти на воздух, потянуться навстречу солнышку…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolochkova_vera/moya-marusechka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить